

Дженни, по-прежнему с любовью

Вторые впечатления

Полагаю, различия между Старым и Новым Светом, культурные и всевозможные иные, весьма неплохо выявляет и подчеркивает сцена насилия индивида над своим нижним бельем.

Тихим прохладным утром в начале зимы по деревне разносился шум мощной водяной струи, вырывающейся из шланга под значительным давлением. Приблизившись к источнику звука, через невысокую садовую стену можно было рассмотреть натянутую во дворе веревку, увешанную упомянутыми выше предметами интимного мужского гардероба чуть ли не всех цветов радуги. Тряпье дергалось на веревке, как мишени в ярмарочном стрелковом тире. Стрелок в теплой шапке, шарфе и войлочных сапогах стоял перед веревкой в позе агрессора, для устойчивости расставив ноги, стрелял

от бедра, как любой уважающий себя солдат из телевизионного боевика. Подштанникам можно было лишь посочувствовать.

Недели не прошло, как мы с женой вернулись в Прованс после четырехлетнего отсутствия. Большую часть этих четырех лет мы провели в Америке, где гораздо меньше рисковали оказаться невежливыми или неточными, допустить социальный ляпсус либо — о ужас! — попасть впросак в «половом вопросе». Не надо было лихорадочно решать, обращаться к собеседнику на «ты» или на «вы», не приходилось гадать, а то и словарь листать, чтобы выяснить, мужского или женского рода слова «персик» либо «аспирин». С некоторой натяжкой можно все же допустить, что в Америке разговаривают по-английски. Однако в этом заокеанском английском произрастают все более цветастые конструкции. Один из наших знакомых ниже среднего росточка заявлял, что он не ростом мал, а у него «проблемы по вертикали». Час, добрые старые шестьдесят минут, приобрел «верх» и «низ»; из комнаты там никто не выходит, все «покидают помещение». Политики более не гадают, но «интуитируют», экономика идет вразнос, как двигатель без нагрузки. «Надо надеяться» употребляется повсеместно и так же часто, как в добрые старые времена некоторые нерешительные индивиды мямлили «э-э...». Всяко-

го рода общественные авторитеты не меняют убеждений, как во всем остальном мире, но производят «тактическую рекалибрацию». Эти кошмары проникают в повседневный язык из юридического жаргона и отражают превращение судебного сутяжничества в своеобразный национальный спорт номер один. Чего стоит пролезший в словари «сюрплюсаж», означающий бывший «переизбыток». Авторитетные американцы, которых любит цитировать репортерская братия, не удовлетворяются окончанием чего-либо, они непременно «достигают завершения». Остается дожидаться, пока в недалеком будущем официант в ресторане поинтересуется: «Вы достигли завершения в освоении салата?» Разумеется, это произойдет уже после того, когда я «достигну завершения» «обзорного курса» по меню заведения.

Встретились мы в Америке с «аутстером», хотя его родственнику-антиподу «инстеру» повезло больше, о нем мы не слыхивали. Пришлось оставить устаревшую привычку сосредоточиваться на чем-либо, теперь мы «концентрируемся» либо «фокусируемся». Каждый день преподносил нам волнующий сюрприз. Век живи, век учись! Но все эти сюрпризы не меняли нашего ощущения, что мы варимся в родной языковой среде и потому должны чувствовать себя как дома.

Дома мы себя там, однако, так и не почувствовали, и вовсе не потому, что к нам враждебно относились. Почти все встреченные оправдывали репутацию американцев как людей в высшей степени щедрых и доброжелательных. Поселились мы под Ист-Хэмптоном, на дальней оконечности Лонг-Айленда, месте в течение девяти месяцев в году тихом и живописном. Мы купались в комфорте Америки, радовались ее многообразию, усвоили туземные привычки. Познакомились с калифорнийскими винами, покупали по телефону, научились не дергаться за рулем. Принимали витамины и иногда вспоминали, что надо чаще повторять слово «холестерол». Пытались наслаждаться телевидением. Я перестал брать с собой в ресторан сигары, приучился курить втихаря, дома. Одно время мы даже пытались выпивать по восемь стаканов воды в день. Короче, старались американизироваться.

И все же чего-то недоставало. И не просто чего-то, а целого спектра видов, звуков, запахов, вкусов – впечатлений, к которым мы привыкли в Провансе. Вспоминались аромат полей, утренняя толчея на воскресных рынках... Редко удавалось американским влияниям подавить эту ностальгию.

Возвращение в места бывшего счастья принято считать шагом неразумным. Память пола-

гают пристрастным судьей, сентиментальным редактором, что-то вымарывающим, что-то припудривающим. Подсвеченные розовым, события былого искажаются, плохое может забыться, остается соблазнительный блеск, смех друзей. Вернутся ли прежние ощущения?

Проверить можно лишь одним способом.

Для каждого прибывшего во Францию из Америки первое шокирующее впечатление — разница в характере уличного движения. Эту разницу мы заметили сразу же, как только покинули аэропорт. Нас поглотило хаотичное метание колесных средств передвижения. Казалось, множеством мелких автомобильчиков управляли удиравшие от полиции грабители банков. Мы быстро вспомнили, что француз за рулем воспринимает чужой багажник перед капотом своего автомобиля как личное оскорбление и всеми силами стремится обогнать, восстановить справедливость. С любой стороны, на слепом повороте, при переключении светофора — не важно. Верхний предел скорости в восемьдесят миль в час считается нетерпимым ограничением свободы личности, французы предоставляют соблюдать его иностранным туристам.

Это бы еще полбеды, если б как человеческая, так и механическая составляющие транспортного средства отвечали требованиям, к ним

предъявляемым. Но, видя, как очередной крохотный «рено», едва касаясь асфальта покрышками, огибает тебя слева, справа — только что не сверху, — невольно вспоминаешь, что малолитражки вовсе не проектировались для преодоления звукового барьера. Еще меньше уверенности в завтрашнем дне ощущаешь, когда замечаешь, что происходит за рулем этого «рено». Общеизвестно, что француз не может связать двух фраз без помощи рук. Многозначительно поднимаются пальцы, ладони взлетают вверх, подчеркивая возмущение. Оркестром речи нужно дирижировать. Можно с интересом наблюдать за беседой двух французов в баре, но, когда такое происходит на скорости в девяносто миль в час, сердце замирает.

С гигантским облегчением сворачиваешь наконец на местные дороги, где можно ползти с быстротой трактора, успевая воспринять кое-какие из графических деталей, дополняющих пейзаж. Еще в первое мое посещение Прованса полюбились мне выцветшие приглашения отведать аперитива, шоколада или органического удобрения, начертанные на стенах амбаров и одиноких деревенских домишек-сараяшек, *cabanons*. Краска облупилась, охра, зелень и голубизна выгорели под солнцем семи-восьми десятков жарких лет...

С течением времени появлялось все больше новых призывов и оповещений, вплоть до со-

временных. Числом они подавляют старые, намного уступая им в живописности. Города и деревни часто сообщают два своих имени, одно из них в старом прованском написании. Менерб дублируется как Менербо, Авиньон как Авиньюн, Экс-ан-Прованс как Экс-ан-Прувансо. И это только начало. Если местные патриоты не ослабят активности, вскоре и такие дорожные знаки, как «радарный контроль скорости», «низколетающие самолеты» и даже «дом Биг-Мака», адаптируются к языку певца Прованса Фредерика Мистрала.

Знаков, вывесок, афиш — тьма. Информационные, просвещающие, убеждающие, уговаривающие; приколотенные к деревьям, торчащие на шестах по краю поля, прикрепленные к заборах, нанесенные на бетон... Предлагающие посетить винные *caves*¹, вкушать меду, насладиться лавандовым или оливковым маслом; вывески ресторанов и агентов недвижимости. Большинство приглашают. Но есть и предупреждающие о свирепых собаках, а одно — мое любимое — особенно кровожадно. Я увидел его меж холмов на стволе дерева рядом с тропой, ведущей в чащу, по всем внешним признакам необитаемую. Оно гласило буквально следующее: *Tout contre-venant sera abattu, les survivants poursuivis*. В примерном переводе это означает, что нарушите-

---

¹ Погреба (*фр.*).

лей пристрелят, а кого недострелят до смерти, привлекут к ответственности. Хочется надеяться, что у автора развито чувство юмора.

Еще одного типа объявление, пожалуй, ни в одной другой стране мира не встретишь, кроме Франции. Можете полюбоваться им в Сен-Тропе, на площади де Лисе, где раз в неделю функционирует рынок. К ограждению привинчена эмалевая табличка, сообщающая прохожим ясно и недвусмысленно, что в данном месте и поблизости останавливаться и облегчаться категорически возбраняется. Вряд ли такое могло появиться в Ист-Хэмптоне, городе благовоспитанных и дисциплинированных мочевых пузырей.

Такого рода объявление уместно во Франции ввиду склонности французов к импровизации в части мочевыделения. Почуввав зов природы, иной француз тут же на него откликается независимо от того, где он в данный момент находится. В городах и городках сотни укромных уголков, вне поселений тысячи квадратных миль территории и миллионы кустиков, обеспечивающих комфорт и уединение для *le pipi rustique* на лоне природы. Но, судя по моим наблюдениям, интимность процесса — последнее, что интересует француза. Он может вырисовываться на диком утесе на фоне лазурного неба, подобный гордому оленю, может выскочить из

за баранки на обочину, пристроиться вплотную к проезжей части так близко, что приходится отворачивать, чтобы его не задеть. Мужчина занят мужским делом, не мешайте. И стесняться ему нечего. Если вам доведется при этом встретиться с ним взглядом, он, пожалуй, вежливо кивнет. Вероятнее всего, однако, глаза его будут устремлены ввысь, к небесам; туда же, к божественному, вознесутся и его мысли.

По счастью, в наиболее посещаемых местах такого рода запрещающие таблички нетипичны. Вежливость во Франции бросается в глаза. Не обязательно дружелюбие, но всегда благовоспитанность. Выйдя утром за покупками, на каждом шагу получаешь мелкие, но приятные признания факта своего существования. В других странах это вовсе не правило. В Англии, к примеру, многие продавцы тебя в упор не видят, возможно, потому, что вы не представлены им по всей форме. В Америке, стране вопиюще неформальной, чаще всего впадают в противоположную крайность: покупателю приходится отвечать на дружелюбные вопросы о здоровье, о том, как делишки, а там, если вовремя не вернуться, последуют вопросы о родне, предках и потомках, замечания по поводу одежды и странностей произношения. Французы, как мне кажется, нашли золотую середину между этими крайностями.

Помогает и весьма обходительный язык, в изящной форме подающий самые вульгарные темы. Нет, *Monsieur*, вы вовсе не вели себя за столом по-свински, вы просто страдали от *crise de foie*, у вас печень взыграла. А звуки, исходящие от того господина в уголке, вызваны не метеоризмом, это слышится *piano des pauvres*, пианино бедняков. Если же разросшееся брюхо грозит выстрелить пуговицами вашей рубашки, это всего лишь *bonne brioche*, сдобная булочка. А чего стоит элегантный перевод классического вестерна!

КОВБОЙ: Стопарь сивухи, кореш, живо!

СУБТИТР: Бокал дубонне, официант, прошу вас...

Неудивительно, что французский на протяжении столетий оставался языком дипломатии.

И остается языком гастрономии. Разумеется, в стране, в которой у тебя все время сохраняется ощущение, что ты опаздываешь на завтрак, ланч или обед — во всяком случае, на дорогах, — ожидаешь наглядного подтверждения жертвоприношения национальному аппетиту. Ищешь взглядом здоровую плоть, людей-«мишленов», катящих свои телесные массы от трапезы к трапезе. И не находишь. По крайней мере,

в Провансе. Встречаются, разумеется, и супероплывшие мастодонты, но на удивление редко. Подавляющее большинство мужчин и женщин, попадавших в поле моего зрения, отличались неправдоподобными стройностью, подтянутостью и изяществом. Объяснения озадаченных чужестранцев сводились к тому, что действует генетика, мол, обмен веществ у французов ускоряется в результате интенсивного потребления кофе и политических эскапад государственного и локального уровня. Пожалуй, дело все же не в том, *что* они едят и пьют, а в том, *как* они это делают.

Французы ничего не перехватывают на ходу. Конечно, француз может отломить горбушку теплого багета (а кто устоит?) и сунуть ее в рот, еще не покинув *boulangerie*¹. И это все, больше ничего на ходу он жевать не станет. А чего только не поглощают топающие по городским тротуарам американцы! Пицца, хот-доги, начос, такос, бесчисленные сэндвичи — исполинские и поскромнее, картофельные чипсы и палочки; глотают из громадных пластиковых стаканов кофе, выдувают полугаллонные ведра коки (диетической, о чем речь!) и бог весть что еще, все это на ходу, а иной раз и на пути в гимнастический зал.

---

¹ Булочная (*фр.*).

Воздержание между регулярными приемами пищи вознаграждается, когда француз прибывает к столу. Вот тут-то представители других наций и даются диву. Как можно умять две капитальные трапезы в день и не превратиться в гиппопотама или не запрудить кровеносные сосуды холестерином? Французские порции могут быть относительно невелики, но их число! Здешние блюда повседневного рациона ужаснут врачей в Штатах. Тающие во рту *rillettes*¹, *pâté*² с арманьяком, грибы в сливочном соусе, картофель, зажаренный в утином жире... А ведь это всего лишь подготовка к главному блюду. За которым, естественно, последует сыр. Немного, совсем чуть-чуть — чтобы оставить место для десерта.

А кто же воздержится от стакана другого вина ради довольства желудка? Несколько лет назад искатели гастрономических откровений обнаружили то, что французам известно испокон веков. Мудрые диетологи провозгласили, что немного красного вина никому не повредит, и даже наоборот. Некоторые из них отважились на большее. Стремясь объяснить то, что получило название «французский парадокс», они заметили, что французы пьют в десять раз больше вина, чем американцы. *Voilà!* Парадокс разъяс-

¹ Мелко рубленая и жаренная в сале свинина (*фр.*).

² Паштет (*фр.*).

нен. Вино, стало быть, поддерживает французов в добром здравии и сообщает им завидную стройность.

Мне хотелось бы верить, что все объясняется столь просто, но подозреваю, на желудок француза влияют менее драматические факторы. Совершенно антинаучно предполагаю, что меню француза содержит меньше всяческих улучшающих добавок, консервантов, красителей и иной прогрессивной высококачественной химии, на которую так падки в Штатах. Осмелюсь допустить, что лучше принимать пищу, сидя за обеденным столом, а не скрючившись над рабочим столом, пристроившись к стойке, а то и — сплешь и рядом! — за рулем. Считаю также, что спешка при еде испортила больше пищеварительных систем, чем *foie gras*¹. Не так давно в окнах нью-йоркских ресторанов появились клятвенные заверения, что занятой бизнесмен с гарантией управится у них с ланчем за полчаса, умудрившись таким образом в течение часа проконтактировать с двумя партнерами. Готов съесть вместо ланча свой мобильник, если это не рецепт к приобретению повышенного давления и язвы желудка.

Заведомо очевидно, что время в Провансе не обожествляется в такой степени, как в иных, более взбудораженных частях планеты. Мне для

---

¹ Гусиная печень (*фр.*).

осознания этого факта потребовалась неделя, после чего я снял с запястья свои наручные часы и засунул их в ящик комода. Но если времени не придают здесь особого значения в смысле пунктуальности, то оно ценится высоко в смысле наслаждения моментом. В часы еды, беседы на углу квартала, игры в *boules*¹. При отборе цветов, составлении букета. Чтобы в кафе со вкусом посидеть. Маленькие радости отнимают много времени. Иногда сие вызывает раздражение у наблюдателя, чаще приводит в восхищение и в любом случае действует заразительно. Уяснил я это, когда вышел из дому по делу, требующему не более четверти часа, а вернулся через два с половиной. Ничего важного в эту пору я не совершил, но наслаждался каждой минутой прожитого периода.

Возможно, неспешностью жизни объясняется бодрость местного характера. Французы отнюдь не славятся беспричинной веселостью, скорее наоборот. Многие иностранцы склонны судить о характере нации по опыту знакомства с постной физиономией парижского официанта, не подозревая, что он столь же мрачен и недоброжелателен и к соотечественникам, возможно, и к собственным жене и кошке, сколь и к туристу. Но переместитесь к югу, и вы поразитесь метаморфозе. Атмосфера напитана юмо-

---

¹ Шары (*фр.*).

ром, несмотря на очевидные сложности социального плана – высокий уровень безработицы, финансовые удавки французской налоговой системы с ее неоправданно высоким подоходным налогом.

Реакцией на эти проблемы может послужить решение оставить их позади. Газеты полны сообщениями о молодых французских предпринимателях, покидающих Париж, чтобы воспользоваться преимуществами экономического подъема в Англии. Но если эта тенденция и существует в Провансе, в глаза она не бросается. Каждый согласен, что времена не лучшие, каждый надеется, что новый день чем-нибудь порадует. А пока что выручает философия пожимания плечами.

Неплохая философия, ее стоит усвоить и приезжому, ибо жизнь в Провансе полна чудес, порой необъяснимых, а национальный причудливый гений никогда не удаляется надолго. Какая-то необъяснимая логика, вероятно, существует в его поступках, но умом ее не постичь, аршином общим не измерить. Наглядный пример – деревенская мусорная свалка. Она разумно размещена, регулярно очищается, предназначена для приема всевозможного бытового мусора, только что не отбегавшего свой срок автомобиля. Кажется, ничего здесь не улучшить. Но бросается в глаза вывеска над мусорными

контейнерами, которую можно перевести следующим образом: *Крупногабаритные предметы принимаются на второй день после последней среды каждого месяца.*

Заметив ее впервые, я на некоторое время застыл на месте, полагая, что неправильно прочел, неверно понял, что подвел меня мой корявый французский. *На второй день после последней среды каждого месяца...* А почему не в последнюю пятницу каждого месяца? Какое-нибудь умствование верхов? Идиотская казуистика брюссельских бюрократов? Может, они додумаются сменить название пятницы на что-нибудь более функциональное и с политической точки зрения более захватывающее? В целях усвоения бюджета и прославления своей политической динамичности. Как раз двухтысячный год на подходе, надо же отметить какими-то эпохальными преобразованиями... Пока я предавался размышлениям, подкатил небольшой фургончик, из него вышел водитель и присоединился ко мне, созерцая эту же табличку. Он посмотрел на меня. Я посмотрел на него. Он снова перевел взгляд на мудреную надпись, покачал головой и пожал плечами.

Вывеску эту вскоре убрали. Мне сказали, что никто на нее внимания не обращал, все выбрасывали старые холодильники, велосипеды, телевизоры, когда удобнее, не придавая значе-

ния инструкции. Французское пристрастие ко всякого рода вывескам компенсируется способностью французов эти вывески игнорировать.

С этой способностью неплохо сочетается другая национальная черта: стремление удерживать свои деньги как можно дальше от алчных конечностей администрации. Оба упомянутых качества проясняют проблему парковки. В каждом городе Прованса имеются площадки, на которых вы можете оставить автомобиль вне проезжей части. Эти автостоянки четко обозначены, их легко найти, но мало кто ими пользуется. На улицах же творится нечто невообразимое. Автомобили взбираются двумя колесами на тротуар, втискиваются в узкие проходы, так что между бортами и стенами остаются считанные миллиметры. То и дело случаются заторы, требующие навыков фигурного вождения, чтобы из них выбраться. Вспыхивают споры, гудят клаксоны, и все из-за чего? Из-за того, что муниципалы имеют наглость протянуть руки загребущие к пяти франкам в час за пользование официальной стоянкой.

Но, как подробно разъяснил мне мой приятель Мартин, постоянно пристраивающий свой автомобиль в самых невообразимых местах, дело не столько в деньгах, сколько в принципах. Платная стоянка, *le parking payant*, — оскорбление национальной гордости и морали, нетерпи-

мое явление, которому следует оказывать противодействие. Даже если ради этого придется полчаса колесить по городу, чтобы обнаружить место, куда приткнуться. Время-то бесплатное. Однажды я наблюдал, как некий предприимчивый господин загонял свой небольшой «пежо» в витрину выпотрошенного перед началом ремонта магазина. Завершив процедуру и собираясь отправиться к месту назначения, он обернулся и с явным удовлетворением оценил, насколько четко вписалась его малолитражка в проем. Человек и машина, объединившись, одержали, судя по его сияющей физиономии, значимую победу, покорили еще одну вершину жизненной горной гряды.

С моей точки зрения, детали повседневности определяют стиль жизни Прованса не в меньшей степени, чем история и ландшафт. Если вдуматься, каких моментов из жизни этой части Франции мне более всего недоставало в Штатах, пожалуй, стоит назвать обычный сельский рынок. Ничего особенного, лотки, палатки, будки, еженедельно сбегаящиеся на одну из площадей городов и местечек от Апта до Вэзон-ля-Ромэна.

Эти рынки мгновенно притягивают взгляд, зачаровывают своим многоцветием, обилием фруктов и овощей, рукописными вывесками и ценниками. Лотки пристраиваются к старым